

Цзян Сяочжоу заметил, что Люйло подозрительно притихла. Она и прежде не отличалась словоохотливостью, но сейчас казалась совсем погружённой в свои думы.

Невиданное дело. Но ещё более странным оказалось то, как изменилось её отношение к нему — едва заметно, на грани полутонов.

Наставник Лю лишь усмехнулся в усы:

— Девчонка признаёт только силу. Вот только кто в её понимании истинный мастер?.. Хе-хе.

Он многозначительно прищурился, и Сяочжоу не стал расспрашивать дальше.

Проведя весь день в пути, путники наконец добрались до окраин Долины Бренного Мира.

Низину укрывала плотная пелена тумана. Сквозь белёсую завесу смутно проступали бесконечные ряды персиковых деревьев, сплетавшихся ветвями, а сам воздух, казалось, застыл, сочась приторным, душливым ароматом цветущего персика.

— Персиковые миазмы, — вздохнул старик. — Обычный человек, сунься он туда сдуру, и шага сделать не успеет — сразу кости сложит. Да и заклинатели, если полезут напролом, мигом лишатся разума и сгинут. Но красива, зараза... Вся в своего создателя, Хунчэньи. Такая же прекрасная и смертоносная.

— Старший, как же нам тогда пройти внутрь? — спросил Цзян Сяочжоу.

Наставник Лю самодовольно усмехнулся:

— Когда я бывал здесь прежде, Хунчэньи лично показал мне одну тропинку. Она ведёт в обход тумана напрямиком к его обители. Держитесь за мной, не отставайте.

Люйло оторвалась от своих мыслей и вскинула голову, скользнув взглядом по старому Лю, а затем покосилась на Цзян Сяочжоу. В её душе шевельнулось редкое для неё замешательство. Рядом с этим юношей старик вёл себя совсем иначе, чем с ней: держался бодрее, хвастался, даже по-детски тщеславился.

Похоже, старый Лю действительно привязался к этому юноше.

Они свернули на едва приметную стёжку. Как и обещал старик, персиковый туман сюда не проникал. Кругом царило глубокое, почти осязаемое безмолвие, нарушаемое лишь шуршанием

их собственных шагов.

Налетавший по временам ветер не разгонял туман, а лишь заставлял его лениво клубиться, взбивая розоватые волны над морем цветущего персика. Лес то тонул в молочной гуще, то призрачно проступал сквозь неё, унося мысли куда-то к заоблачным высям, а в ушах чудился далёкий, едва различимый гул, похожий на рокот грозы.

Каждый шаг наставника Лю казался выверенным до дюйма. Цзян Сяочжоу и Люйло двигались гуськом, ступая строго след в след; девушка шла посередине, а юноша замыкал шествие.

— Не боишься, что я оступлюсь и утащу тебя за собой на тот свет? — не оборачиваясь, спросила Люйло.

— Я тебе верю, — отозвался с улыбкой Цзян Сяочжоу.

От этих слов в груди у неё странно потеплело. Люйло упрямо сжала губы и пошла ещё увереннее — ей во что бы то ни стало хотелось доказать ему свою силу.

Сколько они так плутали, сказать было трудно, но когда впереди среди деревьев показались очертания деревянной хижины, старый Лю наконец облегчённо выдохнул.

Но тут Люйло резко замерла и повела носом:

— Пахнет кровью!

Старик без лишних слов рванулся вперёд, скрывшись в зарослях. Цзян Сяочжоу и Люйло не отставали. Стоило им выскочить на поляну, как стены хижины с треском разлетелись в щепки. Из облака пыли выкатились две фигуры — чёрный силуэт и человек в алом одеянии. Нападавший нанёс стремительный рубящий удар, вынудив противника отпрянуть, а затем, воспользовавшись секундным замешательством, взмыл в воздух и разорвал дистанцию.

— Хунчэньи! — вырвалось у наставника Лю.

Цзян Сяочжоу же не сводил глаз с незваного гостя. Чёрное одеяние с вышитым золотой нитью созвездием Большой Медведицы и багрово-золотой клинок... Сомнений не было: это тот самый таинственный незнакомец из вчерашней таверны, прибывший с Острова Семи Звёзд.

— Яньлю... явился-таки, — Хунчэньи изумлённо уставился на неожиданных спасителей. Из его рта брызнула кровь, смешиваясь с багрянцем одежд и расплываясь уродливым тёмным пятном.

Чёрный силуэт даже не взглянул на прибывших. Раздался тихий, гортанный возглас, багрово-золотой меч послушно лёг под его ноги, готовый унести хозяина прочь.

Видя, что враг ускользает, Цзян Сяочжоу почувствовал, как сердце у него ушло в пятки от бешеного предчувствия. Внутренний голос буквально взвыл: «Упустишь его — пожалеешь на всю жизнь!»

Из оружия под рукой была лишь утренняя ветка цветущей акации. Не раздумывая ни секунды, юноша рванул вперёд, направляя всю свою духовную силу в сухую древесину.

Когда беглец уже взлетал, Сяочжоу взмахнул веткой. Воздух прочертил «Ласточкин полумесяц» — отчаянный, молниеносный выпад.

Силы были неравны: сойдись они в честном бою, Цзян Сяочжоу не продержался бы и трёх разменов. Но сейчас, подхлёстываемый бурей эмоций, он вложил в этот удар всю свою волю. Клинок его противника дрогнул; почуяв спиной смертельную угрозу, тот не решился принять удар на себя и резко развернулся в воздухе, отражая атаку. И всё же энергия меча Сяочжоу, сорвавшаяся с хрупкой ветки, разлилась вокруг сиянием бледного лунного света, настигая беглеца повсюду.

Незнакомец явно не желал ввязываться в драку, но деваться было некуда. Он едва заметно повёл запястьем и сделал сложный, замысловатый шаг, гася яростный натиск юноши.

«Стремительный шаг ясной осенью!»

Только это движение могло столь безупречно сокрушить «Ласточкин полумесяц».

У Цзян Сяочжоу волосы встали дыбом. Он вперил бешеный взгляд в скрытое капюшоном лицо, боясь до дрожи поверить в собственную догадку.

— Не лезь не в своё дело, — глухо проронил тот. — Мне плевать, скольких прирезать.

Голос его был ледяным, хриплым и сорванным, будто после тяжёлой травмы горла. Он ни капли не походил на мягкую речь прежнего Цзян Цзиньюэ.

Мысли Сяочжоу смешались в безумный вихрь. С трудом удерживая рассудок в узде, пока белые лепестки акации осыпались под порывами бушующей духовной энергии, он выкрикнул:

— Кто ты такой?!

— С Острова Семи Звёзд, — донёсся безучастный ответ. Из-под надвинутого капюшона он смотрел на Сяочжоу чужими холодными глазами. В них не было и капли узнавания — лишь глухое раздражение от помехи на пути.

— Вот как... — сквозь зубы выплюнул Цзян Сяочжоу и без лишних слов снова ринулся в атаку.

Незнакомец спешил. Ему нужно было уйти до того, как опомнится Хунчэньи. Лениво отбивая выпады Сяочжоу — ведь удары обычной веткой, лишённой истинного понимания сути меча, не могли причинить ему вреда, — он сделал обманный финт, в один миг сокрушил оборону юноши и растворился в воздухе.

Сяочжоу рванулся было следом, но сзади донёсся хриплый окрик наставника Лю:

— Стой! Не смей! Он ушёл в персиковые миазмы!

Люйло вовремя ухватила юношу за плечо, не давая сделать роковой шаг. Взглянув на его руку, она вздрогнула: сухая ветка акации, не выдержав напора духовной силы, осыпалась трухой.

— Раз он сумел пробраться сюда невредимым, то и дорогу назад найдёт, — раздался слабый голос Хунчэньи. — Янлю, води своих подопечных в дом. Разберёмся на месте.

Цзян Сяочжоу бросил долгий, тяжёлый взгляд на бушующее персиковое море и молча зашагал к уцелевшей части хижины.

Хунчэньи бессильно опустил на колченогую кушетку. Только сейчас Сяочжоу смог рассмотреть его как следует: этот человек обладал редкой, почти пугающей красотой, словно его лицо высек из нефрита искусный мастер. А алое одеяние, как оказалось, изначально было девственно-белым — просто ткань насквозь пропиталась свежей кровью.

— Как ты? — спросил старый Лю, подступая ближе.

— Жить буду, — поморщился раненый. — Ублюдок не собирался меня убивать.

Цзян Сяочжоу нахмурился:

— Его культивация... неужели она настолько сильна?

— Дело не в силе, — Хунчэньи прикрыл глаза. — У него странные техники. Мои яды его не взяли, да и дерётся он по-особенному — я так и не раскусил его приёмы.

— Но зачем людям с Острова Семи Звёзд нападать на тебя? — наставник Лю озабоченно покачал головой.

— Пришёл за одной безделушкой, — слабо усмехнулся Хунчэньи. — Дикари, чистой воды дикари... Впрочем, неважно. Рассказывай лучше, зачем пожаловал, да ещё и с молодёжью? Мы ведь сто лет не виделись, Янлюю.

— Мне нужно, чтобы ты помог ему выплавить кость меча, — старик кивнул на Цзян Сяочжоу.
— С оплатой обижен не будешь.

— Вот как? — Хунчэньи с интересом оглядел юношу. — Раз уж ты лично просишь за него, малец тебе явно не чужой. Я бы с радостью содрал с вас три шкуры за такую работу, да только сам видишь — после визита того гостя я и котелок на огне не удержу, не то что печь для пилюль.

— И что делать? — нахмурился старик.

— Выход один, — Хунчэньи хитро прищурился. — Если бы прямо сейчас здесь оказался мастер алхимии и приготовил мне пилюлю «Возвращения небес», это бы меня подлечало.

«Возвращение небес»? Из всей троицы один был кузнецом-оружейником, вторая — упрямым бойцом ближнего боя, а третий — мечником лишь на словах. В алхимии они смыслили не больше, чем свинья в апельсинах.

— Неужто у тебя самого нет этих пилюль про запас? — проворчал старый Лю. Смотреть на угасающего друга ему не хотелось, но вздорный нрав Хунчэньи он знал слишком хорошо.

— Да тоска смертная эта ваша алхимия, зачем мне её копить? — фыркнул Хунчэньи и вдруг уставился на Цзян Сяочжоу: — А скажи-ка, юный друг, какими духовными корнями тебя природа одарила?

— Вода и огонь, — ответил Цзян Сяочжоу, и на его ладони послушно заплесало пламя Лотосового Сердца.

— Ха-ха-ха! Какое совпадение! Так это и впрямь ты! — расхохотался раненый. — А имя твоё случайно не Цзян Сяочжоу?

Юноша опешил:

— Откуда старшему известно моё имя?

— Кое-кто просил меня обучить тебя искусству алхимии. И надо же, ты явился как раз тогда, когда мне самому нужна помощь... Судьба это или чья-то злая воля — поди разбери. Но дела принимают забавный оборот!

— И... кто же этот человек? — осторожно спросил Сяочжоу.

Хунчэньи загадочно покачал пальцем:

— Секрет. Ну так что, Цзян Сяочжоу, согласен пойти ко мне в ученики? Потому что если откажешься, мне придётся тебя прирезать.

Цзян Сяочжоу ощутил, как лоб обожгло ледяным уколом чужой жажды крови. Внутреннее чутьё взвыло об опасности. Этот безумец не шутил.

«Он и впрямь меня убьёт», — понял юноша.

Красивый, словно весенний цветок, этот человек на поверку оказался форменным психопатом.

— Пойдите, старший. Для меня великая честь перенять ваше мастерство, — Сяочжоу поспешно склонился в вежливом поклоне. — Я готов признать вас своим учителем.

— Вот и славно, — Хунчэньи змеино улыбнулся.

К вечеру новоиспечённый наставник удалился на покой. Гостевых комнат в хижине отродясь не водилось — Хунчэньи явно ценил своё одиночество. Путникам пришлось спешно, при свете луны, ладить из веток и досок временный шалаш, чтобы не спать под открытым небом.

Улегшись на жёсткий настил, Цзян Сяочжоу так и не смог сомкнуть глаз.

Сквозь щели в стене до него долетали негромкие голоса Люйло и старика.

— Послушай, старый Лю, — допытывалась девушка. — А почему этот безумец назвал тебя Янью?

— Когда-то меня знали как даоса Янью... — в голосе старика послышалась несвойственная ему грусть по былым временам. — Давненько меня никто так не величал. Для тебя я по-прежнему старый Лю. А будешь звать учителем — и вовсе славно станет.

— А что такое «даосское имя»?

— Ну... — старик на миг задумался. — Считаю, что это почётное прозвище, которое тебе дарует наставник или старший в роду.

— Вроде моего «Глупого булыжника»?

— Да упаси небо! — зашипел старик. — Даосское имя — это знак уважения и признания твоих заслуг. Вот подрастёшь ещё малость, я и тебе выберу имя. Такое, чтоб у врагов при одном его

упоминании поджилки тряслись!

— Ну так скажи сейчас!

— Ишь чего удумала, — старый Лю беззлобно усмехнулся. — Такие вещи заранее не говорят. И нечего меня за волосы дёргать! Пусти, дурная! Облысею же! Ай, больно!

<http://bllate.org/book/20178/2214531>